



TOPICAL
DIALOGUES

АКТУАЛЬНЫЕ ДИАЛОГИ

№ 1

2018

**Данный номер электронного бюллетеня “Актуальные диалоги - 2018”
выпущен при поддержке Черноморского фонда регионального сотрудничества
(проект Фонда Германа Маршалла).**

**Мнения, высказанные в бюллетене, принадлежат их авторам
и могут не совпадать с мнениями и позициями Черноморского фонда
регионального сотрудничества или его партнеров.**



B | S | T The Black Sea Trust
for Regional Cooperation
A PROJECT OF THE GERMAN MARSHALL FUND

22-23 мая на сайте “Публичные диалоги” прошла онлайн-конференция на тему “Карабахский конфликт в контексте политических процессов в Армении и Азербайджане – 2018”.

Конференция была организована в рамках проекта Исследовательского центра “Регион” “Публичные диалоги” для коммуникаций между армянскими и азербайджанскими специалистами”.

Этот проект поддержан Черноморским фондом регионального сотрудничества Фонда Германа Маршалла.

Партнером по проекту является Институт мира и демократии (Нидерланды). Сайт www.publicdialogues.info был учрежден в 2012 г. Исследовательским центром “Регион” и Институтом мира и демократии, который тогда действовал в Азербайджане.

В конференции приняли участие:

Манвел Саркисян (Армения) - Директор научных программ Армянского центра национальных и стратегических исследований (АЦНСИ),

Ариф Юнусов (Азербайджан) - конфликтолог, Институт мира и демократии,

Гела Васадзе (Грузия) - аналитик Кавказского института стратегических исследований,

Сергей Маркедонов (Россия) - Доцент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).

Модератором конференции была Лаура Багдасарян (Армения) - директор Исследовательского центра “Регион”

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В АРМЕНИИ И АЗЕРБАЙДЖАНЕ - 2018

Из материалов онлайн-конференции (22-23 мая 2018 г.)

(Полный текст материалов см. здесь: <http://www.publicdialogues.info/node/774>)

О том, как будут развиваться события после заявлений премьер-министра Армении Никола Пашиняна о необходимости участия Нагорного Карабаха в переговорах в качестве стороны конфликта и о том, что субстантивные переговоры не могут вестись, прежде чем Азербайджан не прекратит воинственную риторику и не будет установлено доверие между сторонами.



Гела Васадзе

Не думаю, что данная инициатива премьера Армении направлена на реакцию властей Азербайджана или даже внешних игроков, например, участников Минской группы ОБСЕ. Больше похоже, что заявление сделано для внутренней аудитории, как определенный сигнал обществу Армении, что даже в таком вопросе, как карабахское урегулирование, прошлые власти действовали далеко не идеально с точки зрения интересов Армении. То, что сейчас не ведется активных боевых действий в Карабахе, совсем не значит, что не ведется война. Тактика Баку в этой войне вполне понятна. Изменение военно-политической атмосферы, которая деформировалась за последние годы в сторону ужесточения, это инструмент ведения войны.



Сергей Маркедонов

Не думаю, что идея Пашиняна будет встречена на ура в Москве, Париже и в Вашингтоне, про Баку мы уже не говорим: с этим все более или менее очевидно. В то же время, его мысль о привлечении Карабаха активизировала внутриармянскую дискуссию. В ней уже "засветились" экс-министр обороны Армении (а ранее - экс-глава администрации президента) Виген Саркисян, первый и второй президенты республики Левон Тер-Петросян и Роберт Кочарян. И здесь важная деталь: они спорят о том, кто больший патриот Армении, кто лучше, качественнее, честнее отстаивал ее национальные интересы и дело Карабаха. И вот эта внутренняя дискуссия крайне интересна. Она показывает, насколько узок коридор возможностей для поиска компромиссов. Полагаю, что в Азербайджане просто в силу особенностей социально-политического развития этой страны, возможностей для обсуждения каких-то уступок, "сделок" и прочее, еще меньше.



Ариф Юнусов

Я согласен, что для нынешних властей Азербайджана включение Карабаха, по крайней мере на данном этапе переговорного процесса, нежелательно. И негативный ответ уже прозвучал. Для официального Баку и, в первую очередь, для Ильхама Алиева отход от прежних позиций - признак слабости. Он не пойдет на это. С другой стороны, согласен, что, скорее всего, выступление Пашиняна все-таки больше было рассчитано на внутреннюю аудиторию и во многом является продолжением его борьбы с прежней властью. И, как часто в таких случаях бывает, сказанное в ходе внутренней борьбы что-то потом сильно может трансформироваться в будущем. Гораздо большего можем вроде бы ожидать от вопроса о будущих возможных мерах доверия с обеих сторон. Но и

здесь я пока что пессимист и не очень верю в такую перспективу в обозримом будущем. Для официального Баку все давно уже решено, и для серьезных изменений нужно что-то вроде того, что произошло в Армении. А пока этого нет, пока у власти Алиев, ждать серьезного прорыва в "народной дипломатии" и установления мер доверия не стоит. Будет продолжение с азербайджанской стороны попытки использовать еще сильнее пропагандистский момент, когда будут искать армян в странах СНГ и диаспоры, приглашать их в Баку и представлять их как сторонников мира, согласившихся с позицией Азербайджана.



Лаура Багдасарян

Да, заявление о том, что в переговорах кроме Армении должен быть еще и Карабах, абсолютно не стыкуется с той формулой, которой придерживался Азербайджан все эти годы. А именно: конфликт идет между Арменией и Азербайджаном из-за Карабаха. С армянской же позиции, Армения выступает в роли гаранта Карабаха, а конфликт - это Азербайджан и Карабах. Казалось, что до последнего времени неучастие Карабаха в переговорах устраивало и международных посредников, ну, хотя бы, чтобы не обострять и так сложную ситуацию и вести хоть какой-то диалог, организовывать хоть какие-то, но встречи. Это я по поводу вашей мысли о том, что заявление Пашиняна скорее всего является как бы продолжением революционной риторики, прежде всего против прежних армянских властей. Хотя это заявление, как уже все знают, вызвало нешуточные трения между представителями всех бывших руководителей Армении. Судя по всему, и в среде армян пошла дискуссия: а что правильнее - то, как это было до сих пор, или то, как нужно, чтобы было? Однако, по большому счету, никто пока не выступал против того, чтобы Карабах был стороной конфликта и де-юре.



Манвел Саркисян

Согласен с утверждением Лауры о том, что смена власти в Армении создала интригу в карабахском направлении. Хотя бы то обстоятельство, что в Армении впервые появился лидер, власть которого никоим образом не завязана на карабахской проблеме. Все три прежних президента Армении обуславливали смысл своей власти миссией по урегулированию этой проблемы. Даже пытавшийся остаться на третий срок правления Серж Саргсян оправдывал свой шаг необходимостью решить карабахский вопрос. Сейчас ситуация изменилась: Никол Пашинян никаких обещаний революционно настроенному обществу не давал в этом плане. Это очень важное обстоятельство. Так что, к заявлению последнего, что он будет говорить лишь от имени Армении, надо отнестись серьезно. Как это будет реализовано на практике - покажет время.



Сергей Маркедонов

Интересная мысль Манвела Саркисяна об обусловленности пребывания у власти трех президентов Армении "карабахским фактором". Буквально сразу же после голосования в парламенте он отправился отмечать "двойной день победы" в Карабах, пошла дискуссия на тему новых возможных изменений, 19 мая новый глава МИД Армении Мнацаканян отправился в Степанакерт, провел переговоры с Масисом Маилян (министром иностранных дел НКР – ред.). Видно, что на этом поле Пашинян готов играть, и играть активно. Не думаю, что какое-то дистанцирование от темы возможно. Другой вопрос, насколько долго будут вестись "поиски нового". Не уверен, что долго. Кстати, при всем своем неприятии Кочаряна и Саргсяна, Пашинян своей поездкой на 9 мая в Карабах, продолжил некую символическую линию. Поверх внутривнутриполитических разногласий.



Манвел Саркисян



Сергей Маркедонов



Манвел Саркисян



Гела Васадзе

Я думаю, что возник императив конкретизации прав и ответственности сторон конфликта: кто за что отвечает в этом конфликте? В частности, касаются ли Мадридские принципы Армении? Уверен, что именно здесь находится гвоздь возникшей ситуации. Внесение полной ясности в данный аспект может многое изменить.

Определение сфер ответственности двух армянских республик - это важно. Но важно внутри обществ в Армении и НКР, важно среди политиков. Насколько это будет интересно посредникам? Аналитически, скорее всего, да. Изучат и примут к сведению. Станут ли что-то менять? Скорее всего, нет.

Мадридские принципы по своей сути представляют программу раздела прав и ответственности двух конфликтующих сторон - Азербайджанской Республики и Республики Арцах - как фактических правопреемниц бывшей Азербайджанской ССР. Это касается как проблемы территориального разграничения, так и статуса. Армения, по сути, ответственна за свою роль гаранта безопасности народа Арцаха. Ей незачем обсуждать программу Мадридских принципов - полезнее обсуждаться Азербайджаном проблемы безопасности. Эту простую ситуацию трудно отвергать.

Смотря кому: для Азербайджана, который сейчас вовсе готовится к силовому сценарию, отвергать очень просто и легко. С практической точки зрения Мадридские принципы в такой ситуации не более чем декларация. Вопрос не о том, что будут делать стороны, а о том, как они будут об этом говорить.



Лаура Багдасарян

Хочу обратить ваше внимание и на высказывание Гелы Васадзе о том, что важно, что говорить в данном случае. Полагаю, для обоснования своих будущих или уже реализованных действий на линии фронта. В связи с этим хотела бы провести параллель с действиями Грузии в отношении той же Абхазии. Грузия никогда не отказывалась от прямых переговоров с представителями Абхазии до войны 08.08.08. И после признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии, в Грузии ведутся попытки наладить контакты с Абхазией и Южной Осетией, и даже есть Министерство реинтеграции. Хотя для Грузии Россия до сих пор остается агрессором, отнявшим у нее два региона. Вам такое разночтение в поведении Азербайджана и Грузии ничего не говорит?

К примеру то, что Азербайджан категорически не приемлет любые контакты с карабахцами, а предпочитает переговоры с Арменией, не только для подкрепления своего тезиса - Армения есть агрессор, ее ВС находятся на территории Карабаха и т.д., не только из-за опасения легитимизации карабахских властей, но и из-за поддержания своей авторитарной власти внутри страны. Понятно, что модель азербайджанского авторитаризма для Карабаха не может быть привлекательна. В Грузии же такой проблемы не было и нет после 2003 года. Как вы считаете?



Гела Васадзе

Лаурой был задан интересный вопрос о различиях в подходе относительно прямых контактов между Грузией и Азербайджаном.

Главное, это то, что в грузинском обществе конфликты в Абхазии и Цхинвальском регионе (Южная Осетия – ред.) никогда не воспринимались как этнические, то есть в восприятии подавляющего

большинства это не было конфликтом между грузинами и абхазами, или между грузинами и осетинами. И до 2008 года существующее положение воспринималось как результат политики России, поэтому связи с абхазами и осетинами в основном приветствовались обществом как путь к урегулированию. После 2008 года положение не изменилось. Конечно, есть скептики, но шаги властей по укреплению доверия в основном положительно оцениваются как обществом, так и западными партнерами Грузии.

Военные действия в зонах конфликтов велись достаточно непродолжительные периоды: в 1991-1992 гг. - в Цхинвальском регионе, в 1992-1993 гг. - в Абхазии, 2005 год и 2008 год - Цхинвальский регион. Все остальное время - перемирие, когда граждане ездят друг к другу, торгуют, приезжают в тот же Тбилиси на лечение. В Карабахе есть линия фронта и практически постоянно ведутся военные действия малой интенсивности. Вот эти два фактора предопределили невозможность для Баку "грузинского" подхода.



Ариф Юнусов

В определенной мере согласен с таким заключением Гелы Васадзе. Добавил бы только, что в Грузии хоть и часто менялись власти, но у них не было фактора Алиевых, которые с 1994 г. у власти и полностью монополизировали карабахский вопрос. То есть, считали свой подход главным и решающим, уверяли, что только они в состоянии правильно решить проблему. В итоге, если в Грузии смена власти не останавливала процесс встреч сторон, то в Азербайджане власти, особенно после прихода к власти Ильхама Алиева, стали воспринимать эти

контакты с армянами как "враждебные" и даже развернули мощное наступление против ее активных участников. Фактически, сегодня это движение полностью приостановлено. При этом И.Алиев выступает за контакты, но только с "правильными армянами", т.е. которые признают территориальную целостность Азербайджана. Все это (линия фронта, отсутствие реальных контактов, монополизация карабахского вопроса властью) и играет сегодня свою роль.



Сергей Маркедонов

Говоря о примирении с реальностью, я, конечно, имел в виду весь внешнеполитический контекст. Внутри как раз у Пашиняна больше возможностей для расширения пространства для маневра. По крайней мере, на этом этапе, пока оппоненты дезориентированы, а популярность велика. Но вовне в переговорном процессе для "ломки" имеющегося тренда у нового премьера нет ресурсов. И в этом плане, даже иницируя какие-то дискуссии в самой Армении, Пашинян, вовлекшись в переговорный процесс, не сможет быть революционером. Что касается России, то ее позиция в принципе ясна. Москва опасается что-то менять, не видя четких перспектив, как эта перемена сработает на пользу ей. Начнет педалировать особый статус НКР в переговорах? Баку сделает свои контрдействия, не факт, что в интересах Москвы. С утратой же влияния на Грузию потерять полностью ресурсы воздействия на Азербайджан не захочется. Другой вопрос, но он в несколько иной, хотя и смежной, сфере. Скорее всего, будут подвергнуты определенной коррекции вопросы военно-технического сотрудничества. Опыт 2016 года слишком свеж, и он воспринимается в Москве очень

сложно. Но это, повторюсь, тема смежная, но не прямо связанная с переговорами. В принципе, Москва придерживается линии на статус-кво. Это не хорошо и не плохо. Но в целом политика реактивная.

Как повлияет имиджевый подъем Армении на понимание армянских позиций в карабахском конфликте? И вообще, только ли так называемые природоресурсные страны обладают возможностями для продвижения своих позиций и защиты своих интересов?



Ариф Юнусов

Наличие либерально-демократических взглядов отнюдь не панацея от радикальности в ситуации с тем или иным конфликтом, сколько угодно примеров из истории США и Западной Европы можно привести (вспомним реакцию многих политиков и экспертов весьма либеральных взглядов в Англии на Фолклендский кризис с Аргентиной в свое время. Насчет имиджа и ресурсов - здесь согласен, что не все так просто. Как говорят в Европе, "танго танцуют вдвоем". И демократические процессы в одной из сторон конфликта не означают перемен в общественном взгляде, да еще в мировом масштабе, в ее пользу. Играют также роль много других факторов, которые и определяют значимость той или иной страны. Вот вопрос: что важнее для Запада - демократические процессы в Армении или роль нефти и газа в Азербайджане? Что перевесит?



Сергей Маркедонов

Убеждён, что между уровнем демократии и разрешением конфликта нет прямой связи. Представим себе конкурентные выборы, прозрачность, состязательность. Означает ли это рост маневренности на внешней арене? Отнюдь. ЕС, как бы важной не была идея многовекторности, не готов браться за многие вопросы безопасности, а Карабах для него - сюжет ее первой важности. Аргумент о политической архаике в Азербайджане имеет ограниченный радиус действия. К кому его обращать в Баку? Да, в Армении, диаспоре его примут. Предположим, даже США и ЕС реально поверят в свою политику "ценностей" и прекратят вполне прагматическую кооперацию с Азербайджаном. Но от этого он же не перестанет быть партнером по переговорам! И как мы будем его мотивировать? Лекциями о вреде диктатуры? Не уверен, что поможет.



Ариф Юнусов

Вот с этим тезисом Сергея Маркедонова я принципиально не соглашусь. Хотя на самом деле он затронул сразу несколько моментов. Связь демократии с урегулированием конфликтов есть на самом деле. Ведь конфликты есть везде, в том числе в странах Западной Европы. В том числе на этнической почве. Проблема однако, в том, что демократические режимы пытаются решить эти проблемы путем диалога, стремясь по мере возможностей избежать силового варианта. Недемократические режимы же очень легко сползают на силовое решение. Поэтому говорить об отсутствии прямой связи нельзя. Связь есть, безусловно. Другое дело, уровень демократии на постсоветском пространстве. Вот тут пока что мы видим в лучшем случае риторику, а не реальные шаги в этом направлении. Здесь как раз уместно и вернуться к

предыдущему посту Сергея Маркедонова о том, что демократ (диссидент), пришедший к власти, не всегда гарантия мира и нежелания использовать грубую силу при решении конфликта. А где мы видим демократов у нас в западном смысле слова? Называть себя демократом еще не означает, что таковыми у нас политики являются. Плюс, если брать чисто теоретически проблему, то одного процесса демократизации Армении для урегулирования конфликта мало. Нужно, чтобы такой же процесс начался и в Азербайджане. Да и карабахское общество явно далеко от демократических стандартов, особенно при сравнении с Западом. Мы четверть века живем без СССР как независимые страны, но пока еще остаемся советскими по сути. Обратим внимание: даже фактор демократизации Армении воспринимается с точки зрения шансов на победу в конфликте с Азербайджаном. Не урегулирования на основе компромиссов и учета интересов всех сторон, а победы только потому, что "Запад нас именно за это поддержит". И вот тут Сергей прав: если исходить из реалполитик, то для западных стран мы - периферия 10-ой, если не 100-ой важности. И для них важнее два момента - геополитический и энергетический. А демократия с правами человека оказываются позади этих реалий.



Лаура Багдасарян

Да, есть и был очень серьезный социальный заказ в Армении на прозрачность правления, эффективное использование не очень щедрых людских и других ресурсов, на социальную справедливость. Все эти требования были особенно явственно выставлены после апреля 2016 года, когда, как точно описал Манвел Саркисян, был подорван миф о том, что любые массовые протесты - это подрыв стабильности в Армении, что чревато в свою очередь угрозами

безопасности не только для Армении, но и для Карабаха. В отличие от того же Азербайджана, где столько нефти и газа, что, как однажды подметил Ариф Юнусов, и при зарвавшихся властях, прибравших в свои руки много, очень много капитала, все равно хватит денег для армии и силового решения Карабахского конфликта. И в России, как в богатой людскими и природными ресурсами страны, коррупция и другие недемократические явления не отражаются на возможности страны обеспечить не только свою безопасность, но и продвигать свои государственные интересы на мировой карте.

Есть подход обеспечения безопасности путем укрепления только военного составляющего (Азербайджан, Россия), а есть подход эффективного использования своих ресурсов, в том числе и военно-политических (посути, революция в Армении преследовала в основном эту цель). И поэтому я думаю, что утверждения Сергея Маркедонова применительно к нынешней ситуации в Армении несколько шаблонны.

Да, с некоторых пор и в Армении начали многое обуславливать и измерять именно Карабахским конфликтом. И это - тоже одно из последствий апреля 2016 года. Хотя, конечно, до азербайджанских привычек все обуславливать коварными армянами, и даже шквальный дождь в Баку, армянам еще далеко. Но возможность положить конец растаскиванию средств, социальной поляризации общества, политизации системы образования и другим пагубным явлениям, в Армении рассматривают как возможность для укрепления экономики, развития ВПК, приостановки миграции и демографического кризиса в стране. И все это – не как параллельную дорожку с

ситуацией в конфликте. Вот почему многие связывают проект реформирования Армении с восприимчивостью внешнего мира к армянским позициям в конфликте.

О роли лоббинга в продвижении армянских и азербайджанских интересов на международных площадках



Манвел Саркисян



Сергей Маркедонов

Я никогда не придавал лоббингу какого-либо решающего значения в деле воздействия на политику держав.

Очень важный и интересный вопрос про лоббинг. И, кстати, весьма мифологизированный. В конфликтующих странах роль диаспоры чрезвычайно переоценивается. Особенно, конечно, в Азербайджане. Просто потому, что у Армении традиции диаспоры насчитывают более длительную историю. Вспоминаются первые конгрессы азербайджанцев, которые проводил еще покойный Гейдар Алиев. Они были проникнуты пафосом необходимости "учиться делу солидарности" у армян. Фактически же, никакого Политбюро диаспоры или ЦК диаспоры нет. Да и вряд ли может быть. В своих лекциях я говорю, что только в России армяне представляют как минимум 3 страны (Армению, РФ и

Грузию, хотя есть и граждане - выходцы из Украины, Молдовы, кто проживает у нас). У них разные паспорта, разные гражданства, цели, задачи, социальный статус. И между Ара Абрамяном и сапожником дядей Ашотом дистанция огромного размера. Как имеется дистанция между дашнаками в Калифорнии и тем же Союзом армян России. Считать, что это некая единая сила, неправомерно. Более того, тот же "армянский лоббизм" имеет противовес в виде нефтяного лобби, на каждого условного Абрамяна есть свой условный Алекперов. В какие-то моменты лобби могло быть эффективным (если мы вспомним, например, поправку 907 к Акту о поддержке свободы). Но тут надо понимать контекст, когда появилась та или иная поправка, декларация и прочее. В США в начале 1990-х Карабах воспринимали как антикоммунистический и антисталинский протест, а руководство Азербайджана времен Эльчибея воспринималось как националистическая сила. В данном случае я не говорю, что все было именно так, речь о стереотипах, восприятии. С приходом к власти Гейдара Алиева ситуация стала меняться, появился в 1994 году "контракт века", многие идеалистические вещи стали дополняться прагматикой. И к той же поправке приняли некоторые дополнительные поправки. Так что не стал бы излишне драматизировать или переоценивать сюжеты, связанные с лоббизмом или диаспоральным фактором. Давайте также не забывать, что армяне и азербайджанцы за рубежом нередко лояльные граждане своих стран. И заявляют себя как патриоты своей страны, ее национальных интересов. Взять, например, казус с политологом Геворгом Мирзаяном. Сколько в Армении споров вокруг него, его позиций,

удивлений, как так -этнический армянин, а жестко спорит по таким "каноническим" сюжетам, как оценка событий начала XX века в Османской империи или Карабахе сегодня.



Ариф Юнусов

Интересный вопрос о лоббинге. Здесь мне сложно говорить об армянском лоббинге. Есть ведь много мифов о роли диаспор. Но ясно то, что у армян диаспора имеет долгую историю и давно были сформированы соответствующие политические структуры. И есть связь между армянами в Армении и Карабахе и в диаспоре. Даже в ходе недавних событий в Армении приходилось читать о том, что многие армяне из диаспоры стали приезжать и принимать участие. Конечно, не они сыграли свою роль в свержении Саргсяна, но такая информация не вызывала удивление. А вот у Азербайджана иное положение и, соответственно, политика. Диаспора только-только складывается. Но и здесь многое в тумане. Азербайджанцы в России в основном законопослушны, но они не играют особой роли ни в судьбе России, ни тем более своей Родины. Да, есть в России и богатые азербайджанцы, есть вроде бы и политические структуры, но все это больше напоминает фантомы, чем реальность. На Западе же нынешняя власть имеет очень плохие позиции в диаспоре, сегодня главные борцы с режимом находятся на Западе, в диаспоре. Ведь власти прикрыли и взяли под контроль СМИ и ТВ, оппозиция в стране заметно ослабла. И сейчас независимые СМИ и ТВ находятся в Европе, здесь проходят те или иные акции оппозиции. Поэтому лоббированием интересов власти по многим вопросам занимаются не представители азербайджанской диаспоры, а

иностранцы. В первую очередь Израиль играет роль лоббиста режима, а также идет элементарный подкуп европейских и американских политиков. Такой подход, однако, уже привел к огромному скандалу (“Икорная дипломатия”, “Ландромат”, коррупционные скандалы в ПАСЕ). Подытоживая – власти Азербайджана не рассчитывают на диаспору, они опираются на иностранцев по многим вопросам.



Гела Васадзе

По теме лоббинга: я тоже считаю, что вопрос слишком гиперболизирован в общественном сознании. Это хороший инструмент для создания информационного фона и иногда для принятия каких-то нормативных актов, но не более того.

О воздействии противостояния Россия-Запад на Карабахский конфликт



Манвел Саркисян

Противостояние Россия-Запад (вернее, США), на мой взгляд, никоим образом не влияет на позиции сопредседателей по части Карабаха.

Сопредседательство Минской группы давно переродилось в прочный геостратегический механизм регуляции в нашем регионе. Цели этой регуляции больше касаются Турции, России и Ирана, чем конфликтующих по Карабаху сторон. Армения и Азербайджан, скорее всего, вписаны в эту ситуацию как факторы регионального баланса сил. Мы ни разу

не видели, чтобы США и весь Запад (в лице НАТО) ставили в укор Армении наличие на ее территории российской военной базы. Нет и особых претензий России по западным проектам Армении (сотрудничество с ЕС, НАТО). Все это логично, если согласиться с моими утверждениями о международных ролях наших стран и самой конфликтной ситуации по Карабаху. Полная отстраненность России от собственно Арцаха и, наоборот, активное вмешательство ЕС в дела Арцаха тоже о многом говорят. Не случайно, что именно на Западе все чаще раздаются призывы признать независимость НКР, и даже учащаются акты признания штатов и городов. Нельзя отрицать, что Запад ищет какие-то неординарные механизмы формирования системы безопасности в нашем регионе.

Статус-кво это не только территориальный аспект. Признание независимости НКР тоже есть метод ликвидации статус-кво. Азербайджану трудно повлиять на такую тенденцию, если она углубится в политике Запада. России же, в некотором смысле, выгодна эта тенденция, поскольку Азербайджан все больше будет искать помощи у России.



Ариф Юнусов

Сегодня мы говорим не о роли внешних игроков, а о роли ориентированности Армении и Азербайджана и о том, как это влияет и на них самих, и на Карабахский конфликт. У Азербайджана все намного сложнее. Наличие ресурсов позволяло одно время Азербайджану даже вступить в конфликт с Россией и отказаться от российского газа, и даже назло России оказать помощь в этом вопросе соседней Грузии. Вспомним и помощь чеченцам в ходе войн на Северном Кавказе. И многое другое. То есть,

изначально у Азербайджана поле для маневра было шире. Но для Азербайджана его плюс обернулся минусом. В последние годы Ильхам Алиев серьезно испортил свои отношения с западными странами, ориентация в этом направлении заметно сузилась. Но из этого отнюдь не следует, что Азербайджан сделал серьезный крен в сторону России, как отметил выше Гела Васадзе. Да, многие азербайджанские эксперты и политики, особенно близкие к власти, часто говорят о возможности вхождения Азербайджана в состав ЕАЭС и ОДКБ. И многих за рубежом это вводит в заблуждение. На деле мы видим просто игру со стороны Алиева с Западом. То есть, Азербайджан, по крайней мере последние лет 10, рассматривает Россию как фактор давления на Запад. Как только США и ЕС начинают оказывать давление на официальный Баку, тут же в ответ последний делает реверансы в сторону Москвы, демонстративно что-то покупает у России или поддерживает политику Путина в тех или иных несущественных для Азербайджана, но важных для Запада акциях. Но говорить всерьез о том, что Азербайджан войдет в состав ЕАЭС, а тем более ОДКБ не стоит, по крайней мере, в ближайшем будущем. Третье направление во внешнеполитической ориентации – восточное. Тут на первом месте, конечно, идет Турция. Здесь все понятно. Добавлю только, что если раньше, в 90-е годы, турецкая модель была в основном ориентиром оппозиции, то теперь больше следует говорить о сближении двух правящих элит и, в первую очередь, Эрдогана и Алиева. У них одинаковый стиль правления, отношение ко многим вопросам и серьезные проблемы с Западом. В общем, тут все ясно. Вот с Ираном сложнее, хотя периодически стороны развивают экономические отношения, но все же холодок присутствует. Однако есть еще один фактор, который оказывает влияние в Азербайджане. Если старшее советское поколение

четко дистанцировалось от восточного направления и смотрело и по-прежнему смотрит на Запад, то теперь появилось новое поколение, которое воспринимает Восток и исламский мир как близкий для себя. Если в 90-е гг. Исламская партия была партией маргиналов и дальше поселка Нардаран ее влияние не распространялось, то теперь исламисты популярны по всей стране. Не случайно азербайджанцы весьма активны среди участников боев на Ближнем Востоке (Афганистан и Сирия), причем в Сирии воюют с обеих сторон! Власти этот момент стали учитывать. Особенно, опять-таки, в своей политике с Западом. Пугать все время Россией нельзя. Периодически власти говорят об исламских ценностях, в отличие от “неприемлемых западных”. Игра опасная, конечно, но присутствует сегодня. Более того, интересный поворот произошел в Карабахском конфликте. Если раньше для азербайджанцев это был этнический конфликт, то теперь все чаще и чаще в обществе говорят о религиозном моменте в конфликте и объясняют поддержку армян со стороны России и Запада именно с религиозной точки зрения.



Сергей Маркедонов

Россия не поддерживает НКР (не только де-юре, как в случае с Абхазией и Южной Осетией), но и политическими, экономическими методами (как в ситуации с Приднестровьем и ЛДНР). Она не ставит под сомнение территориальную целостность Азербайджана. Что же касается России, то она спокойно воспринимает роль Запада, ибо здесь, в отличие от Грузии и Украины, нет обращенных к Армении и Азербайджану проектов евроатлантической интеграции. Отношения с НАТО и с ЕС Баку и Ереван имеют, но они не выстраиваются по конфронтационному алгоритму в отношении к Москве.

Однако в то же время нельзя сказать, чтобы интересы РФ и Запада по карабахскому урегулированию были бы тождественны друг другу. США и их союзники намного критичнее относятся к существующему статус-кво. В принципе, они были бы готовы подтолкнуть мирный процесс, но не делают этого, ибо имеются и другие приоритеты. Москва опасается разрушения хрупкого статус-кво, справедливо опасаясь, что выход за его рамки - это риск и далеко не всегда гарантии успешного мирного решения.